

Дискуссионная трибуна

СССР, Коминтерн и «китайский фактор» Второй мировой войны

© 2013

A. Крушинский

В статье показаны усилия СССР и Коминтерна по формированию Единого фронта в Китае. Обосновывается гипотеза, что усилия Москвы по прекращению Гражданской войны в Китае помогли становлению его активным субъектом антифашистской коалиции и способствовали предотвращению агрессии Японии против СССР в 1941 г.

Ключевые слова: Стalin, Mao, Чан Кайши, Троцкий, VII конгресс Коминтерна, Особый пограничный район Китая, Сианьский инцидент, «альтернативная история».

Включение Китая при формировании ООН в «элиту» из пяти постоянных членов Совета Безопасности отразило, в частности, признание его роли во Второй мировой войне. Поныне, однако, не вполне прояснены обстоятельства становления Китая участником антифашистской коалиции, как и доля его вклада в разгром держав «оси».

В научной литературе, публицистике, в воспоминаниях очевидцев китайцы фигурируют преимущественно как бессильные жертвы фашистской агрессии или как подсобно-вспомогательная сила, способная отвлекать на себя врага, нежели активные соучастники Победы. Показательна реплика Ф. Рузвельта: «*Если Китай падет, сколько японских дивизий, по-твоему, освободится и для чего?* — сказал он в начале 1942 г. сыну Элиоту. — *Возьми Австралию, возьми Индию... она уже готова, как спелая слива, к тому, чтобы ее сорвали...*»¹

1. Если бы...

Это суждение одного из ведущих лидеров антифашистской коалиции могло бы послужить завязкой сочинения в жанре «альтернативной истории», основоположник которого Тит Ливий задался две тысячи лет назад вопросом, «какой исход могла бы иметь для римского государства война с Александром Македонским» (*если бы* тот, не скончавшись скоропостижно в 33 года, затеял поход на Рим. Историк сопоставил с войском легендарного полководца вооруженные силы Римской империи: их численность, вооружение, мобильность, боевой дух, порядок снабжения и управления. Будучи смущен

Крушинский Андрей Сергеевич, заведующий отделом журнала «Проблемы Дальнего Востока». Тел: (499) 124-09-02, E-mail: veritas33@mail.ru.

тем, что взялся писать о чем-то несвершившемся, предпослал тексту оправдательную оговорку: «*Ничто, кажется, не было мне так чуждо, когда я начал этот труд, как желание... доставить приятные развлечения читателю и дать отдых своей душе*».²

Действительно, в обоих случаях налицо — не праздная игра ума ради «отдыха души», но задачи, можно сказать, прагматичные: античный историк протестировал концепцию о совершенстве государственной машины современного ему Рима, президент США убедился в невыгодности — экономить на поставках оружия Китаю. Осмыслению ряда нестандартных, вызывающих споры политических решений СССР и Китая может послужить тестирование через «альтернативный сценарий» событий рокового лета 1941 г.: как сложилась бы Великая Отечественная война (и 2-я мировая в целом), если бы СССР одновременно с гитлеровской агрессией подвергся агрессии Японии.

Напрягать воображение нам не потребуется — такой «сценарий» уже написан:

«...*Сначала появились японские самолеты, вылетевшие на рассвете 7 августа с аэродромов в Маньчжурии и Корее, а также с авианосцев 1-й дивизии, стоявших в Японском море. Около тысячи самолетов нанесли удар по аэродромам красных BBC от Хабаровска до Владивостока... Вторая и третья волны морской авиации нанесли бомбовые удары по судам и докам советского флота во Владивостоке и в Находке.*

В то же утро на восточном фронте три армии под командованием Ямаситы сделали бросок вперед. К северу от Гродеково генерал-лейтенант Маруяма не терял уверенности, несмотря на то, что его войска находились в гуще леса. В него вселял бодрость непрестанный стук топоров в руках тысяч китайских чернорабочих, шедших в авангарде его 2-й Сендайской дивизии...».

Что скажете о творении П. Цуроса («Хокусин, или Вторая русско-японская война»)?³ Нарисованный им «апокалипсис» неприятен и многих возмутит. Но ведомо ли им, что от его реального воплощения СССР дважды был «на волоске»?

...Подполковник Цурос служил аналитиком в Национальном разведцентре армии США, а в отставке отдался сочинительству в жанре «альтернативной истории», сразу же преуспев: его «Хокусин» вызвал интерес во многих странах.

Фантазирует он близко к реальности — по «подсказке» тех же документов, сведений, какими оперируют в своих трудах историки-профессионалы (например, авторы сборника «Партитура Второй мировой. Грозд на Востоке»)⁴, выпущенного Фондом исторической перспективы во взаимодействии с Комиссией при президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории. Реальность угрозы, нависшей тогда над СССР, подтверждена в статье «Нейтралитет по-японски» из этого сборника. Ее автором проф. А. Кошкиным цитируются, в частности, отрывки из стенограммы императорского совещания от 2 июля 1941 г., определившего «поход на север» (по-японски, «хокусин») как одну из главных военных и политических целей империи. Приведен и разработанный генштабом график реализации плана «Кантокузэн» («Особые маневры Квантунской армии» — шифрованное наименование «хокусина» в японских документах). Начало переброски и концентрации войск назначено на 20 июля, начало «операций» — на 29 августа, их победоносное завершение — на середину октября.

«...*В большинстве случаев советская оборона была прочной, и ее прорыв стоил жизни множеству японских солдат, — читаем у Цуроса. — Советская артиллерия действовала на удивление хорошо и использовала боеприпасы в таких количествах, которые японцам и не снились. Особенно стойко держались отряды НКВД. Сбывались худшие предсказания Люшкова*⁵. Сам он бродил где-то в штабных коридорах. Ямасита некоторое время работал с ним и сразу невзлюбил его — как бы ни был он полезен Его Величеству, генерал испытывал непреодолимую неприязнь к предателям...

Тем временем Ананасенко⁶ позвонил в Москву. «Да, Иосиф Виссарионович, врага приходится сдерживать по всей границе. Укрепрайоны на некоторое время задержали японцев, но они уже почти пробились сквозь них. Они перерезали Транссибирскую маги-

страль в нескольких местах. Их канонерки вошли в Уссури через Сунгари и разрушили несколько железнодорожных мостов в районе Хабаровска... Да, они все потоплены, но штурмовые отряды атакуют мосты и туннели от Хабаровска до Благовещенска...”

Объективности ради Цурос рисует проблемы воображаемого блицкрига:

«Ямаситу продолжало изумлять сопротивление неприятеля в укрепрайонах. Что там говорил ему немецкий генерал о русских? «Недостаточно убить русского, надо еще сбить его с ног»⁷. Список потерь ужасал, но Ямасита все равно гордился своими воинами, своими самураями... Солдаты гибли в огромном количестве, подобно лепесткам, опадающим с цветов вишни...

Т-34 развили такую скорость, которая и не снилась японским «Тип 98», их 76-мм орудия тут же нашли свои цели, и японские танки превратились в огненные цветы. Советские войска прошли бы и по высоте 341, и по самому Маруяме, если бы не появился рой японских самолетов... Японские пехотные дивизии обогнули танковое сражение, скончнулись за Ворошиловым⁸ и двинулись дальше на юг... Это было 23 сентября — прошло 46 дней с начала наступления».

Т.е. уже тремя днями дольше, чем держалась перед блицкригом Гитлера Франция. Продолжая игру в объективность, Цурос не дал японцам соблюсти сроки «Кантокуэна»: начали раньше, кончили позже; нам же не позволил сопротивляться долго:

«...Апанасенко отважно сражался за Хабаровск, но игра была окончена, и даже он это понимал. Город пал в декабре... Апанасенко запомнят за его заботу о сотнях тысяч русских, бежавших вместе с войсками. Также по ходу отступления он открывал ворота лагерей и заставлял охранников и зеков вступать в ряды боевых формирований. Скорее всего, Сталин расстрелял бы Апанасенко, если бы сам пережил этот декабрь — он исчез во время суматошного бегства из павшей Москвы».

«Утомившись» от корректности, Цурос передергивает карты: разгром немцев под Москвой — исторический факт, который не мог быть «отменен» гипотетическим поражением СССР на Дальнем Востоке; «суматошное бегство из Москвы» не стыкуется с фактом парада 7 ноября на Красной Площади; «расстрел» Сталиным Апанасенко (близкого ему со временем Гражданской войны, не запятнанного связями с Троцким, помогшего Москве переброской «сибирских» дивизий)⁹ — немотивированный вымысел. Будь автор честнее, он бы наряду с одержимостью самураев в бою показал их свирепость после боя (не следовало ли бы, объективности ради, обогатить опус картиной «хабаровской резни» — по аналогии с реальной «нанкинской резней» (декабрь 1937 г.): когда японская солдатня за пару недель зверски умертвила более 300 тыс. горожан и военнопленных (согревнувшись, кто больше голов посрубает, больше женщин изнасилует). Для сравнения: в Бухенвальде, Дахау, Маутхаузене и Майданеке, вместе взятых, нацисты истребили с 1938 по 1945 гг. 299 тыс. человек.

Что же касается соотношения сил, имен военачальников с обеих сторон — эти подробности в книге безукоризненны (вплоть до «назначенцев» в марионеточные территорииально-административные структуры, что могли бы, по мнению Цуроса, быть учреждены японцами в постсоветской России):

«...Григоренко, освобожденный из японского плена в 1943 году, стал успешным гражданским инженером в Российской Евроазиатской Федерации (РЕФ) и написал полную историю Второй русско-японской войны... Люшков оказался на удивление хорошим губернатором Приморской провинции Его Императорского Величества...

Манильский договор, подписанный 2 марта 1942 года, пришлось спонсировать президенту Рузельту, которого больше волновал выход России из игры и то, что Германия-победительница, по-волчьи скалясь, поглядывает через океан... Рузельт в страхе ждал угрозы с востока, и японцы смогли всю зиму и весну беспрепятственно продвигаться в южном направлении».

Как складывался бы «альтернативный» вариант войны, с Цуросом есть, о чем поспорить. Но согласимся: при неблагоприятном стечении обстоятельств — судя по нашим катастрофам в начале Великой Отечественной (как и англо-американским — вслед за Пёрл-Харбором), «летальный» для СССР финал был возможен. Это косвенно подтверждает боязнь войны на два фронта, овладевшая Сталиным с середины 1930-х гг.

«Имеются, по-моему, два очага военной опасности, — сказал он в марте 1936 г. американскому газетному магнату Говарду. — Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии... Второй очаг находится в зоне Германии... Пока наибольшую активность проявляет дальневосточный очаг опасности. Возможно, однако, что центр этой опасности переместится в Европу» (так потом и стало). На вопрос «если действительно война неизбежна, то когда она разразится» ответил: «Это невозможно предсказать... Ныне войны не объявляют. Они просто начинаются». Опять угадал! И все последующие годы делал все возможное (и невозможное), чтобы войны на два фронта не допустить. Что из сделанного было «невозможным», разберемся, отталкиваясь от Цуроса (точнее, от одного из изъянов в его опусе).

...В отличие от основоположника жанра, чья гипотеза обусловлена ясным исходным условием (если бы Александр Македонский не умер), у Цуроса это ключевое «если бы» повисает в воздухе. Корректно ли — мотивировать срыв «похода на Север» тем, что Берлин не уведомил дальневосточных подельников о времени своего нападения на СССР? Касаясь споров в Токио, с похода на Север (*хокусин*) или на Юг (*нансин*) начать вожделенный путь к мировому господству, Цурос уверяет: *«Официальное предложение Гитлера могло бы обратить внимание Японии на открывающиеся возможности и придать вес аргументам тех, кто предлагал идти на север»*. И в своем «сценарии» подправил историю, введя прямую просьбу Гитлера к Токио — напасть на СССР синхронно. Но ведь японцы о примерной дате догадывались — по намекам Риббентропа¹⁰ (что, в сущности, не имело значения, ибо они изначально вели свою игру, исходили из своих мотивов и расчетов). Японцы владели, к примеру, «стратегией спелой хурмы» — искусством терпеливо выжидать, когда добычей легче овладеть...

Что именно предотвратило *«хокусин»*, Цурос не догадался. Из-за проблем с эрудицией и кругозором не сообразил: в 1941 г. японцы не преминули бы атаковать СССР, если бы шестью годами ранее не перестроил свою политику Коминтерн, и не прервалась благодаря этому гражданская война в Китае.

2. Коминтерн, Троцкий, «термидор»

VII конгресс Коминтерна (шедший в Москве с 25 июля по 20 августа 1935 г.) вниманием СМИ не обделен: как-никак он отверг традиционные аксиомы мирового коммунистического движения! Удивительно, что никто не обыграл курьезное (и знаменательное) совпадение: он чуть ли не день в день уложился в рамки... месяца «термидор»¹¹. Не сообразил даже завзятый острослов Троцкий, уже 10 лет копивший компромат на Сталина как на изменника делу революции, «термидорианца».

Выявленные к тому моменту сталинские грехи (такие как обоснование допустимости строить социализм в отдельно взятой стране и неприятие идей *«перманентной революции»*, отказ от *уравниловки* в оплате труда и поощрение мелкого *предпринимательства*, реабилитация *казачества* и восстановление в правах постреволюционных *«лишнцев»*¹², замена *«пролеткульта»* нормами классической культуры¹³ и барьеры нападкам на историю Российской империи¹⁴ в сочетании с *«послаблениями»* к православной церкви) — мелочи рядом с директивой VII конгресса Коминтерна о переходе к Народным фронтам с участием интеллигенции, мелкой и даже крупной (но антифашистски настроенной) буржуазии, а также социалистов, «радикалов», пацифистов. К такому повороту вполне годился ярлык *«контрреволюция»*, ибо компартиям, по сути, предписывалось —

от борьбы за развал «одряхлевшего мира» перейти к союзу с оным (как альтернативе германо-японскому глобальному разбою).

Крутизна поворота была еще и в том, что ВКП(б), Коминтерн (и сам же Сталин) отметали ранее альянсы даже с социал-демократами, коим предыдущий, VI Конгресс (1928 г.) присудил — устами тогдашнего генсека Коминтерна Зиновьева — ярлык «социал-фашистов». Еще летом 1929 г. правая рука Сталина в политбюро, Молотов утверждал, что социал-демократия все более перерождается в «социал-фашизм». Но выборы, прошедшие в 1930–33 гг. в Германии, обнаружили: не будь размежевания коммунистов с социал-демократами, приход Гитлера к власти мог бы быть предотвращен!

Очередной конгресс Коминтерна отсрочили, стали ломать головы над корректировками в его политику (и в дипломатию СССР — тоже «термидорианскими»)¹⁵. Весьма кстати объявился в Москве герой Лейпцигского процесса Г. Димитров, ему и была поручена подготовка центрального доклада Исполкома Коминтерна (ИККИ) — VII Конгрессу.

Определение фашизма как главного врага рабочего класса и всего рода людского, призыв к концентрации сил для предотвращения мировой войны и перехода к Народным фронтам — эти новшества позволили расценить VII Конгресс как второе по значимости (после Октябрьской революции) событие в коммунистическом движении. Троцкий же, позиционировавший себя глашатаем идей мировой революции, с места в карьер ринулся в бой против, как он выразился, «запоздалого и тем более губительного оппортунизма (сотрудничества классов под пустым знаменем "антифашизма", социал-патриотизма, под прикрытием "защиты СССР")».

«Версальский мир входит таким же звеном в подготовку будущей войны, как и программа Гитлера, — утверждал он в своем «бюллетене большевиков-ленинцев». — В полном разрыве со всеми основными хартиями Коммунистического Интернационала, докладчики VII Конгресса и вслед за ними участники прений единодушно повторяли, что источником военной опасности является немецкий фашизм. Эта поверхностная концепция мировых отношений возвращает нас к официальной доктрине Антанты 1914–1918 гг.; только на место прусского милитаризма поставлен фашизм». Когда советская дипломатия использовала империалистические противоречия, она, по его словам, «отнюдь не выдавала их при том за противоречия между "реакцией" и "демократией".

Т.е. Гитлер и Эррио, Муссолини и Рузвельт, Мацукова и Чан Кайши для Троцкого «одним лыком шить»: «главный залог существования и развития Советского Союза руководство эпохи Ленина видело в развитии европейской и мировой революции»¹⁶.

Атаку на эти перемены Сталин предвидел, судя по его «упреждающему ответу», что изложил за месяц до Конгресса в беседе с Роменом Ролланом. На слова Нобелевского лауреата, что «социалистическое и коммунистическое сознание смущено военным союзом СССР с правительством империалистической французской демократии», Сталин ответил: соглашение с Францией о взаимной помощи заключено «при условиях, когда в Европе, во всем капиталистическом мире возникли две системы государств: фашистских, в которых механическими средствами подавляется все живое, душится рабочий класс и система государств буржуазно-демократических... Оставаться нейтральным — значит облегчить возможность для фашистов одержать победу, а победа фашистов является угрозой для дела мира, угрозой для СССР, а, следовательно, угрозой и для мирового рабочего класса». Вмешиваясь в эту борьбу, уточнил Сталин, «мы как бы кидаем на чашу весов борьбы между фашизмом и антифашизмом, между агрессией и неаггрессией, — добавочную гирьку...»¹⁷.

Не странно ли: элементарные истины мирного сосуществования экспрофессионал кровавых революций «разжевывал»... заядлому пацифисту (столь стойко-му ненавистнику войн, что в годы Первой мировой не пожелал агитировать за победу своей родины, Франции).

Еще нечто удивительное: вместо того, чтобы передать текст беседы с мировой знаменитостью «Правде», Сталин... отослал ее в архив с грифом «секретно». Может быть, стало не по душе, что попал в позицию «оправдывающегося»? Или что уступает Троцкому в искрометности стиля? Кстати, Конфуций не одобрял дара красноречия, видя в оном шанс для неправого брать (хитростью) верх над истиной! Каламбуры Троцкого в адрес VII Конгресса эту мысль подтверждают. Не шедевр ли красноречия такие его уколы: *«Ленина спасла только смерть: не успев посадить его в тюрьму, эпигоны заперли его в мавзолей»*. Или: *«Сталин на Конгрессе блистал молчанием»*.

Он уловил «слабину» врага! Действительно, пока шел Конгресс, Сталин в Доме Союзов почти не бывал, ни разу не выходил на трибуну — в отличие от Троцкого, с нее как бы не сходившего. И позже в статьях, речах на выпады не отвечал, о VII Конгрессе не высказывался. Не из опасения ли, что продиктованная жизнью «перестройка» — и в самом деле неадекватна ленинским канонам 15-летней давности? Не пытался ли уйти от обострения дрягз внутри ВКП(б), хаоса в умах с потенциальными кровавыми чистками? Троцкий же хаоса жаждал, и его уколы (наивно-доктринерские по мысли, но хлесткие по форме) успешно сеяли зерна сомнения у ветеранов «ленинской гвардии», у пассионарных командиров Красной армии, у горевшей романтизмом молодежи (вроде Копенкина из «Чевенгур», «поклонника» Розы Люксембург, некоторых друзей Павки Корчагина),

«То, что называется "прениями" Конгресса, представляет на самом деле длинную и ужасающую скучную комедию с заранее распределенными ролями. К тому же и актеры плохи»¹⁸ — симбиоз красноречия и отстраненности от истины опять налицо. Это Димитров-то «плох»? На Лейпцигском процессе он, напомню, отверг услуги адвоката и, взявши сам себя защищать, превратил нацистское судилище в суд над нацизмом. Его 36 раз лишали слова, но он выиграл дуэль! Или ораторы VII Конгресса Морис Торез, Долорес Ибаррури плохи? В следующем, 1936 г. они предстали «солистами» побед новорожденных Народных фронтов. Их ли вина, что левое правительство Франции просуществовало лишь год с небольшим, а левая власть в Испании была раздавлена контрреволюцией и германо-итальянской интервенцией.

«Все эти события привели к замораживанию стратегии народного фронта», — вывод М. Жумажанова в диссертации по проблематике VII Конгресса, пессимистичен¹⁹. Даже Ю. Жуков, известный своим анализом попыток Сталина радикально реформировать в середине 1930-х гг. политическую систему СССР, почему-то счел «бесплодной» тогдашнюю корректировку внешней политики. Не пожалев в своей книге *«Иной Сталин»* места для анархо-троцкистского мятежа в Каталонии, ни словом не упомянул Сианьский инцидент. Как бы по формуле *«слона-то я и не приметил»*, историки упустили из виду Китай.

3. «Рука Москвы» и замирение «красных» с «белыми» в Китае

Благодаря бушевавшей в Китае гражданской войне японцы в 1931 г. легко завладели его Северо-Восточным регионом, создав марионеточное государство Маньчжоу-го, и теперь готовились поглотить «остальной» Китай. VII Конгресс совпал с Великим походом китайской Красной армии²⁰: контакты ИККИ и Советской Республики (с Мао, главой правительства) надолго прервались. Москва не знала, что в январе 1935 г. к нему перешло, по сути, лидерство и в КПК, и в армии; тот не был в курсе «перестройки» в Коминтерне. Летом 1936 г., когда радиосвязь наладилась, Мао о переменах уже кое-что знал, одобрил их, но в возможность единения с Чан Кайши не верил (имея на то основания). Предпочел «замиряться» с патриотично настроенными военачальниками, как маршал Чжан Сюэлян (чья Северо-восточная армия, вытесненная японцами из Маньчжурии, соседствовала теперь с Советской республикой, перебравшейся на Север). С лёгкой руки оного и прогремели события, ставшие катализатором национального примирения.

...12 декабря 1936 г. в Сиани, столице пров. Шэньси, Чжан Сюэлян и командир Юго-западной армии Ян Хучэн взбунтовались против Чан Кайши, принуждавшего их двинуть свои армии против Советской республики. Арестовав «генералиссимуса», они ультимативно потребовали от него: мир — с коммунистами, отпор — японцам!

Получив эту весть, Мао, по свидетельству очевидца, «хочотал, как безумный», и его восторг понятен: ведь речь шла не просто о приумножении сил Советского района. Символично, что к нему, казалось, переходил один из крупнейших и древнейших городов Китая, в прошлом — столица шести династий, начиная с Цинь, некогда сведшей разрозненные княжества в единую державу (именно здесь потом нашли одну из главных реликвий Китая — сокрытое под землей «войско» из 8099 терракотовых воинов).

Но славы «столичного града» Советской республики Сиань не сподобилась: 25-го декабря Чан Кайши оказывается на свободе, а 28-го Мао (только что отметивший 42-летие) оповестил, что тот отводит войска от Шэньси — в качестве «первого шага по пути изменения порочного курса на гражданскую войну». КПК, присовокупил он, «настаивала на мирном урегулировании сианьских событий и прилагала значительные усилия для достижения этой цели, руководствуясь жизненными интересами нации»²¹.

Мао как бы выпустил «синицу», снискав «журавля», и предстал «архитектором» 8-летней паузы в гражданской войне! По этой версии в КНР снимаются фильмы, пишутся книги (ее придерживается и Маомао в монографии «Мой отец Дэн Сяопин»²², и двое историков-китайцев, чья статья включена в сборник «Гроза на Востоке»²³.

Эта версия выглядела бы складно, если изъять цепочку событий, случившихся с 13-го по 16-е декабря в Баоане²⁴, Нанкине, Москве.

13-го: митинг в Советском районе требует предать Чан Кайши народному суду; политбюро ЦК КПК настаивает на высшей мере; Мао спешит к телеграфному аппарату, и волна эйфории летит к Димитрову, с ним — к Сталину. И разлетается мелкими брызгами: не разделив общей радости, тот требует «настоять на мирном разрешении конфликта» (словно бы знал, что Нанкин уже объявил военное положение в стране и карательный поход на Сиань, вызвал из Европы крайне правого политика Ван Цзинвэя).

14-го: «Правда», не выбирая выражений, выплескивает ушат обвинений... на Чжан Сюэляна: мол, «бывший правитель Маньчжурии почти без боя отдал богатейшие провинции Северо-Восточного Китая японским империалистам. Теперь он, спекулируя на антияпонском движении, поднимает знамя борьбы якобы с Японией, а на самом деле способствует расчленению страны, усугубляет хаос в Китае...».

Нарком иностранных дел СССР М. Литвинов заверил китайского посла: «Мы всегда стояли за объединение Китая и никогда не сочувствовали внутренней борьбе китайских генералов»²⁵.

15-го: ИККИ в своем ответе (написанном при участии Сталина и Молотова) расценил сианьскую акцию как вредную для перспектив Единого антияпонского фронта («какие бы ни были намерения» Чжан Сюэляна) и дал советы, как Компартии Китая налаживать общую с Гоминьданом платформу.

«Нетрудно представить, что должен был почувствовать Мао Цзэдун, — пишет В. Панцов. — Унижение? Стыд? Разочарование? Скорее всего, и то, и другое, и третье. По словам Эдгара Сноу, Мао «пришел в ярость, когда получил указание из Москвы освободить Чан Кайши. Он ругался и топал ногами»²⁶.

Подсказку Мао все же принял, представив ее... как свое собственное решение («сохранение лица» — один из устоев восточной этики). Впрочем, при своем аналитическом складе ума он был способен осознать предпочтительность компромисса. Чан Кайши, воротясь в Нанкин, сдал под трибунал обоих напросившихся ему в провожатые «мятежников» и словно бы забыл свои устные обещания об отпоре японцам. А прояпонская клика, разжигая страсти, пыталась повернуть сианьский инцидент себе на пользу. В «па-

товой» ситуации Москва воздействовала на Чан Кайши через своих дипломатов в Нанкине, на Мао Цзэдуна — через Секретариат Исполкома Коминтерна.

... Телеграмма от 20 января 1937 г. (написанная с участием Сталина, Димитрова, Жданова, Молотова) содержала столь резкие упреки, словно ИККИ взял сторону Чан Кайши. Мирное разрешение сианьских событий, указывалось в ней, может быть сорвано не только поисками японцев и их агентуры, но и ошибочными шагами компартии. *«Сейчас яснее чем когда-либо раньше видна неправильность прежней установки партии — добиться установления единого фронта путем устранения Чан Кайши и низложения нанкинского правительства... Партия еще не освободилась окончательно от этой ошибочной установки, ведет курс на раскол Гоминьдана, а не на сотрудничество с Гоминьданом. Само соглашение с Чан Кайши и Нанкином рассматривается как капитуляция Чан Кайши и Нанкина, — отчитывала Мао Цзэдуна Москва. — Сотрудничество с сианьцами проводится как блок, направленный против Нанкина, а не на совместные действия с ними против общего врага. Все это льет воду на мельницу прояпонских элементов... Главная задача партии сейчас — добиться совместных действий с Нанкином против японских захватчиков, хотя бы на первых порах и без формальных договоров»*²⁷.

Днем позже пришла в Баоань директива, воистину «антисоветская». Компартии предписывалось: ради взаимной адаптации с Гоминьданом — заменить на подконтрольной территории Советы — народно-революционным управлением «на демократических основах» (оставив Советы «только в городских центрах и не как органы власти, а как массовые организации»)²⁸. Ю. Жуков мог бы истолковать это как попытку «экспорта» в Китай сталинской идеи политической реформы (включая альтернативные выборы), которую тот попытался внедрить в СССР.

Мао, кажется, понял и принял эту «игру в поддавки»: даже текст своего послания готовившемуся тогда пленуму ЦИК Гоминьдана предпочел согласовать с Москвой. Гоминьдану предлагалось единение на принципах полного прекращения гражданской войны, концентрации сил для противостояния японской агрессии, обеспечения свободы слова, собраний и организаций, амнистии политзаключенным. Со своей стороны КПК посулила: отказ от курса на вооруженные восстания; проведение на своих территориях всеобщих выборов; прекращение конфискации земли у помещиков; переименование Рабоче-крестьянского правительства в Правительство Особого района Китайской Республики; включение Красной армии в гоминьдановскую Национально-революционную армию, при подчинении Центральному правительству и Военному комитету в Нанкине²⁹.

Ради антияпонского единения были сделаны, казалось, все мыслимые уступки, но Гоминьдан оглашает 22 февраля 1937 г. резолюцию *«Об искоренении «красной опасности»*. Перед Компартией ставятся *«четыре условия»*, включая... роспуск Красной армии. Но и этот «ушат воды» Москву не охладил, «наведение мостов» продолжалось:

27 февраля: на страницах *«Правды»* появился «иезуитский» по сути намек, что *«четыре условия»* не ставят (*«если их правильно понимать»*) *«непреодолимых препятствий для сотрудничества КПК с Гоминьданом»*;

11 марта: нарком Литвинов встречается с китайским послом;

15 марта: радио Сиани оглашает заявление ЦК КПК о согласии начать мирные переговоры *«на основе «четырех условий»*;

25 марта: в Китай возвращается (как бы «взятка» Кремля) сын Чан Кайши (некогда от него отрекшийся и 12 лет проживавший в СССР под фамилией «Елизаров»);

3 апреля: На конфиденциальных переговорах Чан Кайши с советским послом Богомоловым наряду с вопросами взаимодействия Гоминьдана и КПК обсуждаются... перспективы материальной помощи СССР — Китаю (еще одна «взятка»?);

8–15 июня: на встрече в Лушане Чжоу Эньлай и Чан Кайши договариваются прекратить гражданскую войну, приняв «три принципа Сунь Ятсена» как идеологиче-

скую основу сотрудничества (по сути, как раз тот «общий знаменатель» враждующих сторон, на котором настаивал в январских телеграммах Мао Цзэдуну ИККИ. — А.К.).

С использованием всех мыслимых средств нажима шла «психологическая дуэль»: с одной стороны — Япония с ее «пятой колонной», с другой — СССР и Коминтерн с патриотическими силами Китая. У Японии быстрее «сдали нервы»: 7-го июля 1937 г. провокацией у пекинского моста Лугоуцяо началась ее тотальная агрессия, подстегнувшая процесс строительства «китайского фактора» 2-й мировой войны:

21 августа: в Пекине подписывается Советско-китайский Договор о ненападении;

14 сентября: Москва, не колеблясь, говорит «да» китайской военной делегации насчет военной помощи СССР³⁰;

22 сентября: оглашается декларация ЦК КПК (датированная 15-м июля) о взаимном сотрудничестве с Гоминьданом в борьбе против Японии;

23 сентября: Чан Кайши официально заявляет о «легальности» КПК и о готовности сотрудничать с ней в борьбе против Японии;

21 октября: для Китая уже подготовлена первая группа летчиков, специалистов по аэродромному обслуживанию, инженеров и рабочих по сборке самолётов (447 чел.);

21 ноября: боевое крещение советских добровольцев (7 истребителей И-16 в бою с 20-ю японскими самолётами сбили над Нанкином два истребителя и бомбардировщик — сами обойдясь без потерь).

«Китайский фактор» стал фактом. Настойчивость СССР и Коминтерна восторжествовала. Роль Сианьского инцидента оказалась-таки положительной. Но с его доблестными «зачинщиками» судьба обошлась несправедливо: Чжан Сюэлян почти всю оставшуюся жизнь провел под домашним арестом у Чан Кайши, Ян Хучена и его двоих детей гоминьдановцы умертили перед бегством «генералиссимуса» на Тайвань³¹.

...С международно-правовой точки зрения принуждение Москвой воевавших в Китае Сторон к миру являло собой вмешательство в его внутренние дела. Но оно было необходимым и оправданным: на кону стояли судьбы Китая, СССР, всего человечества.

4. Как «Хокусин» отстал от «Барбароссы»

28 июля пал Пекин, 30-го — Тяньцзинь, 9 ноября — Тайюань, 11 ноября — Шанхай, 13 декабря — Нанкин, 24-го — Ханчжоу. Полгода не минуло от начала агрессии, как столица Чан Кайши отодвинулась в Ухань; потом — в Чунцин. Все это по сей день плодит упреки в «крайне низкой боеспособности» Китая. Тщетно искать у журналистов, мемуаристов повествования о подвигах китайцев при защите этих городов. Что их попытки «противостоять военному давлению Японии» были «мало эффективны», констатируется и в капитальном труде о международных аспектах 2-й мировой, вышедшем у нас при американском участии на финише перестройки³².

Но эффективней ли противостояли фашистским извергам «западные демократии»? Польша перед натиском рейхсвера продержалась 24 дня; Чехия сдалась без боя, Голландия — через четверо, Бельгия — через 18 суток.

Французы (не уступая немцам ни числом дивизий, ни по танкам, самолетам) защищались лишь 43 дня, зато Тайюань отбивался от японцев 70 дней, Шанхай — три месяца! Японцы планировали одолеть его за 3 дня, и это — не пустая бравада: управились же за 6 дней с Сингапуром, когда бравый Ямасита разгромил силами 36 тыс. самураев 85-тысячное войску англичан!³³ Но сроки для Шанхая назначались, когда над Китаем еще веяли демоны Гражданской войны (кто бы его защищал, когда китайцы были заняты взаимным убиением?). Но теперь Китай предстал агрессорам не «спелой хурмой», не таким, какой возможно покорить быстро.

Как далек от истины проф. М. Парилло, утверждая (на страницах нашего сборника «Гроза на Востоке») что японские наземные силы «за 15 лет боев на азиатском

материке не испытали горечи поражений»³⁴. Сие верно, имея в виду их схватки с американцами и англичанами. Но слышал ли Парилло (а он — президент Американской ассоциации историков 2-й мировой войны) о битвах у озера Хасан, реке Халкин-гол? В последней японцы потеряли 61 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными — «слона» профессор не приметил. Зато успех флота США при Мидуэе (где потери Японии в живой силе не превысили 2500 убитыми и ранеными) принято славить как судьбоносный...

Доводилось японцам быть битыми и китайцами. В сентябре 1937 г. под Пинсингуанем их бригада, сопровождавшая обоз, попала в засаду, подстроенную Линь Бяо в стиле Суньцзы. Японцы потеряли около трех тысяч человек (немного, но больше, чем при Мидуэе). Несколько месяцев спустя их 60-тысячная группировка вырвалась из окружения под Тайэрчжуаном ценой трети своего состава, Еще через три месяца китайцы, разрушив дамбы на Хуанхэ, пустили на дно танки, пушки, рвавшиеся к Ханькоу. Дважды отбивалось наступление врага на Чанша, уйму хлопот принесла ему «битва ста полков», проведенная 8-й (бывшей Красной) армией в 1940 г.

В большинстве сражений японцы брали верх, но победы зачастую были «пирровыми». Как и битва под Уханем, самая крупная в войне Сопротивления. К мегаполису рвались с разных сторон японские колонны общим числом 350 тыс. чел. (больше, чем в двух германских армиях в сталинградском котле!). Обороняли же Ухань... 1,1 млн чел. Японцы потеряли 140 тыс. убитыми и ранеными³⁵, китайцы — 400 тыс. (среди них — 100 наших воинов-добровольцев, в основном, летчиков). Не будь их, японцы одолели бы оборону гораздо быстрей, что имело бы, как увидим ниже, огромное стратегическое значение. Кстати, над Уханем перевес японцев в воздухе оказался «лишь» полуторным (только 29 апреля там был сбит 21 японский самолет).

...Неприхотливые, стойкие, патриотично настроенные китайские бойцы противостояли фашистским захватчикам куда упорнее французов, бельгийцев, англичан. Они отступали из-за нехватки оружия. Мудрый Рузвельт понял это сразу же после удара японцев по Пёрл-Харбору, Сталин же — за 4 года до еще более мощного удара по СССР (не состоявшегося благодаря организованному им «китайскому фактору»).

Снабжать Китай оружием Москва начала сразу же вслед за образованием Единого фронта. С 1937 по 1941 гг. (когда Китаю никто другой еще не помогал) СССР поставил ему 1235 самолетов, 1600 орудий, 1850 грузовиков и тракторов, боевую технику для оснащения 20-ти дивизий³⁶. Академик В. Мясников, касаясь в сборнике «Гроза на Востоке» этих поставок³⁷, напомнил, что по времени они совпали с нашей помощью республиканцам Испании. Для последних она кодировалась в документах как «помощь Икс», Китаю — как «помощь Игрек». При сопоставлении результатов приходится признать: «помощь Игрек» попадала в более надежные руки.

...Восточный и западный фланги — «наконечники» фашистской «оси» творили разбой словно наперегонки, и первый поначалу опережал. К осени 1938 г., когда гитлеровский рейх успел «лишь» проглотить Австрию и домогался в Мюнхене англо-французской «визы» на аннексию Судет, Япония уже контролировала пространства Северного, Центрального и Южного Китая, их важные экономические центры, железнодорожную сеть³⁸. Зато к лету 1941-го Германия овладела Европой почти в рамках нынешнего Евросоюза, Япония же на китайском ТВД «забуксовала». Потому, в частности, что уханьская битва обернулась «непланируемыми» потерями и нежданно затянулась.

...В монографии «Японский фронт маршала Сталина»³⁹ (что представляет собой сильно расширенный вариант его статьи «Нейтралитет по-японски») проф. Кошкин в числе «оставшихся не до конца выясненными» проблем упомянул: «Почему Япония не напала на СССР летом 1941 г.?». И сам того не подозревая, на сей вопрос ответил. Подробно раскрывая коварство Токио в отношении Советско-японского Договора о ненападении, он огласил много японских документов, подтверждающих его концепцию, не заметив, что в них, между прочим, содержится и решение упомянутой загадки.

Из стенограммы 34-го заседания Координационного совета правительства и императорской ставки (КСПИС) от 27 июня 1941 г.:

Министр иностр. дел Мацуока: «Мы должны сначала ударить на Севере, а затем нанести удар на Юге. Ничего не предпринимая, ничего не получишь».

Военный министр Тодзио: «Как соотносится это с китайским инцидентом?»

Мацуока: «Мы должны двинуться на Север и дойти до Иркутска. Я думаю, что, если мы пройдем даже половину этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнув его к заключению мира с Японией».

Тодзио: «Считаете ли вы, что мы должны ударить на Севере, даже если для этого нам придется отказаться от разрешения китайского инцидента?»

Мацуока: «Я сторонник нравственных начал в дипломатии... Мы не можем отказаться от Тройственного пакта⁴⁰... Я бы хотел располагать решением о нанесении первоначального удара на Севере и я бы хотел сообщить об этом Германии».

Начальник Генерального штаба Сугияма: «Нравственная и благородная дипломатия – это прекрасно, но в настоящее время наши крупные силы находятся в Китае».

Из стенограммы 36-го заседания КСПИС от 30 июня:

Тодзио: «Трудность принятия решения — в том, что мы все еще вовлечены в китайский инцидент. Если бы не было китайского инцидента, было бы легко решать».

Из стенограммы императорского совещания от 2 июля по Программе национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки:

Председатель Тайного совета Хара: «Война между Германией и СССР действительно является историческим шансом Японии... Мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как Империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на СССР, как этого хотелось бы».

Итак, благодаря «интригам» Коминтерна, поставкам советского оружия под «грифом Зет», летному искусству наших асов, стойкости миллионов китайских воинов (и вопреки Мацуоке, Ван Цзинвэю, Троцкому) «Хокусин» отстал от «Барбароссы», синхронизация двух агрессий против СССР оказалась неосуществимой.

...Немаловажное преимущество плана «Барбаросса» перед «Хокусином»: первый из них обслуживался почти всей Европой. В Чехии (чья военная промышленность, без единого выстрела сданная немцам, считалась мощнее британской) были сработаны танки, остановленные перед Москвой «панфиловцами», выпускались немецкие автоматы — «шмайзеры»; из чешских и французских дальнобойных гаубиц обстреливался Ленинград; в Чехии и Франции производились «рамы» — двухкорпусные самолеты-разведчики «Фокке-Вульф-189». У нас в разгар войны десяткам тысяч рабочих во цвете сил выдавалась «бронь», ибо их руки были нужнее у станков, ковавших оружие. Для Гитлера с ролью таких «забронированных» успешно справлялись сотни тысяч чехов, французов, поляков, бельгийцев, голландцев, норвежцев и пр. *«Население территорий, которое в настоящее время работает на нас, равняется 250 миллионам человек»*, — объявил Гитлер в речи от 9 ноября 1941 г. (а все население СССР к началу войны составляло 190 млн).

Людские и материальные ресурсы Азии многократно масштабнее европейских, но японский проект «Великой восточно-азиатской сферы взаимного процветания», к счастью, обрел реальные черты лишь в 1942 г. Цурсу и не снилось, сколь мощная сила обрушилась бы на СССР с востока, если бы японцы преуспели в реализации идей мирового господства «желтой расы» к лету 1941 г. Главной помехой в этом явился все тот же «китайский фактор», у историков Второй мировой войны должностной оценки еще не получивший.

Китайский ТВД по его реальной роли в судьбах антифашистской коалиции оказался, на наш взгляд, вторым после советского. А недооценка этой его роли есть одновременно — и недооценка роли СССР.

...Хотя летом 1941 г. «блиц-криг» японцев не состыковался с германским, план «Хокусина» не был спрятан «под сукно». Его отложили до удобного момента, и тот, казалось, настал к осени 1942 г., когда Гитлер предвкушал триумф под Сталинградом. Над Дальневосточьем вновь навис Дамоклов меч японской агрессии, и депеши Владимирова из Янъани становились день ото дня тревожней:

23 июня (1942 г.): «В Маньчжурии поговаривают о создании государства «Сибирь-Го». Поголовно мобилизуются белогвардейцы-семёновцы».

18 августа «В июле в Маньчжурию передислоцирована еще одна японская пехотная дивизия. По-прежнему обилен поток военного снаряжения для Квантунской армии. Продолжается перелет из Китая и Японии новых авиа частей к советским границам».

1 сентября: «Японские дивизии покидают казармы и разворачиваются в боевые порядки перед советской границей. Из метрополии следуют маршевые команды. В Маньчжурии продолжается сосредоточение переправочных средств. Прокладываются шоссейные и грунтовые дороги. Со второй половины августа в Квантунской армии отменены отпуска военнослужащих...».

14 сентября: «Японская танковая армия, судя по дислокации, предназначена для действий на Приморском направлении для захвата Хабаровска. Штаб Квантунской армии преобразован во фронтовой с тремя направлениями (Забайкальское, Приморское и вдоль реки Сунгари). Командовать одним из самых важных направлений назначен генерал Ямасита» (тот самый, из книги Цуроса. — А.К.)

Тогда же, в сентябре, Владимиры и переводчик Алеев отправились на выносливых местных лошадках к местам соприкосновения войск компартии с японцами. «8-я НРА мирно уживается с врагом, — гласила первая его запись. — На зиму японцы с удобствами устроились в населенных пунктах (мы их обезжали), а по соседству бездействовали части НРА. В районе Синьсяня японцы ничтожными гарнизонами от пяти до сорока солдат оккупируют деревни, которые обложены частями Хэ Луна превосходящей численности. Мы спешились, покурили с бойцами, и они признались: «Трогать не велят. Говорят, уничтожим гарнизон, японцы нагрянут с подкреплением. Что тогда делать? А так мы их не трогаем, они — нас...».

5. Сталинградская битва: прозрение и выводы Мао Цзэдуна

Невероятно, но факт: разгром немцев под Сталинградом первыми огласили и прокомментировали не «Правда», не «Нью-Йорк таймс», но... китайская «Цзефан жибао», выпускавшаяся при свете керосиновых ламп в лесовой пещере провинции Шэньси. «Переломный момент в ходе второй мировой войны» — гласил заголовок этой статьи, принадлежащей перу Мао Цзэдуна. Самой, кажется, удивительной и загадочной в багаже его публицистики⁴¹. «Эта битва является не только переломным моментом в ходе советско-германской войны и даже не только переломным моментом в нынешней мировой войне против фашизма, она является и переломным моментом во всей истории человечества», — написал Мао. Сходное утверждение содержала «Грамота героям Сталинграда» от имени Рузвельта: мол, их «славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии».

У Мао формулировка серьезней, но главное отличие в ином: Грамота Рузвельта датирована 17-м мая 1943 г. (т.е., была послана через 106 дней после подписания Паулюсом капитуляции, а статья Мао... 12-м октября 1942-го — за 101 день до капитуляции Паулюса и за 48 дней до начала контрнаступления Красной Армии (операции «Уран»)! В день выхода в свет этой статьи у немцев не иссяк еще наступательный азарт. Еще 30 суток оставалось до их последней, 11 ноября предпринятой попытки сбросить в Волгу войска генерала Родимцева, защищавшие узкий плацдарм на правом берегу; еще не вид-

но было конца жестоким схваткам за «дом Павлова», а Мао крах Паулюса уже мысленно лицезрел! Неужто налицо дар «ясновиденья»?

...«*Мао был человеком высокого роста и мощного телосложения, — отметил проравшийся 1 октября 1949 г. к вратам Тяньаньмэнь 30-летний доктор Ли Чжисуй (будущий личный врач Мао Цзэдуна), только что возвратившийся в патриотическом порыве из-за рубежа. — Его лицо было румяным, из-под чёрных густых волос выступал высокий лоб. Голос звучал мощно, а движения выдавали уверенного и сильного человека... «Китайский народ поднялся с колен», — начал Мао, и восторженная толпа ответила ему рукоплесканиями и здравицами... Моё сердце трепетало от радости, на глазах выступили слёзы счастья... Он обладал какой-то магнитической силой».*

Обаяние, «магнетизм» Мао отмечали многие. Об этом мне рассказывали Сюй Дянь и Ли Юэжань, его личные переводчики. «Связник» от Коминтерна и военкор ТАСС П. Владимиров, прибывший в Особый район Китая весной 1942-го, запечатлел в дневнике свою первую встречу с вождем: «*Держался он просто, неторопливо задавал вопросы и, улыбаясь, внимательно выслушивал каждого из нас... Между тем Кан Шэн⁴² стал рассказывать, как в Янъани⁴³ не удалось покушения... Оказывается, стоило Мао Цзэдуну взглянуть на злоумышленника, как тот сам добровольно во всем признавался. Отмечено три подобных случая...*».

В этом коллективном «словесном портрете», действительно, налицо умение влиять на людей, внимать «внутреннему гласу», но триумф Сталинграда Мао угадал не чувствами, а интеллектом, силой логики:

«*Сталинское мудрое стратегическое руководство обладает полной инициативой, — гласили его аргументы. — Гитлер уже выдохся... На советско-германском фронте ему придётся спешно переходить к обороне в момент, когда меньше чем через месяц наступит зима... Вся политическая и военная жизнь фашистского государства с самого дня его появления зиждется на наступлении, а с окончанием наступления кончается и его жизнь. Сталинградская битва остановит фашистское наступление; эта битва носит решающий характер...*».

Не подумайте, будто реверанс Сталину, вкрапленный в статью, есть банальная любезность. Он также удивителен, ибо совсем недавно с уст Мао слетали иные метафоры: «*Сталин не может одолеть Гитлера», «24-летний социализм не может справиться с 8-летним фашизмом*» — так оценивал он самые для нас драматичные дни Великой Отечественной. Слетело как-то с языка такое суждение: «*Стратегические планы Сталина оборонять Москву, Ленинград и Сталинград являются совершенно ошибочными... Надо отвести советские войска на восток, за Урал и ждать открытия Америкой, Англией и Францией второго фронта*».

По свидетельству Ван Мина⁴⁴, огласившего позднее эти «афоризмы», соглашались с Мао не все: «*Всякий раз, когда ещё в августе-сентябре 1941 г. Мао Цзэдун высказывал на заседаниях Политбюро ЦК эти нелепые суждения, и я, и Жэнь Биши, и Ло Фу неизменно отвечали: неудачи Красной Армии на фронте являются времененным явлением, в конечном счёте победа будет непременно за социалистическим Советским Союзом... На это Мао Цзэдун, наступивши, злобно отвечал: «Посмотрим! Недалёкое будущее покажет, чьё мнение было верным»*⁴⁵.

В глубине души Мао, конечно, предпочел бы этот спор проиграть. «*Будто им выжить, если мы проиграем войну*», — привел в своем дневнике Владимиров слова радиста Долматова. — *Их раздавят здесь, в Особом районе, в течение месяца японцы или гоминьдановцы... Они существуют потому, что существует СССР*». Мог ли Мао этого не понимать? Но веру в Советский Союз как надежного покровителя начальных неудачи Красной Армии подорвали. И его насмешки (не лишенные остроумия и отчасти верные) выдавали, возможно, не столько антипатию к Сталину, сколько затаенный страх за собственную судьбу. И вот благодаря Сталинграду, показавшему правоту нелюбимого им Ван

Мина, дурные предчувствия отпали. Мао не просто прозрел, но и умело подобрал исторические аналоги для объяснения своей ошибки:

«Политическая жизнь Наполеона окончилась под Ватерлоо, но это было предопределено его поражением в Москве. Теперь Гитлер идёт по пути Наполеона, и Стalingрадская битва предопределяет его гибель, — сказано в концовке этой удивительной статьи. — Такое положение вещей непосредственно отразится на Дальнем Востоке. Будущий год не сулит добра и японскому фашизму...».

Да, Стalingрадская битва увязана у Мао и с судьбами Дальнего Востока: *«На японских фашистов была возложена задача сосредоточить свои силы в Маньчжурии и подготовиться к наступлению на Сибирь после падения Стalingрада»*. Значит, в мировой geopolитике он ориентировался неплохо. Не благодаря ли телеграммам с тревожными «SOS» из Москвы — просьбами поактивней сражаться с японцами, чтобы отвлекать их от нападения на СССР?

...Воздав должное геостратегическому анализу, что содержит эта необычная статья, стоит призадуматься над ее проблемами. Не странно ли, что в ней нет ни слова о том, в чём автор наиболее компетентен: о перспективах и задачах Особого пограничного района, проистекающих из воспетой им Стalingрадской битвы? В статье упомянуты Верден, Ватерлоо, но ничего не сказано о городке Синьсян на севере Китая, где в момент ожесточенных боев на Волге части 8-й армии мирно сосуществовали с японским гарнизоном.

Благодаря советской победе под Стalingрадом его Особый район был спасён, что Мао Цзэдуна обрадовало, но отнюдь не подтолкнуло к отказу от эгоистичной стратегии (любой ценой сберегать силы для будущего противостояния с Гоминьданом).

Понятия союзнического долга, идейной близости значения для него не имели: Мао Цзэдун руководствовался pragmatismом и своим geopolитическим чутьем. По свидетельству Владимира и Ван Мина, он не раз высказывал мнение, что вслед за Второй мировой войной значимость Восточной Азии, Китая возрастет, туда будет сдвигаться эпицентр мировой geopolитики (так же полагали и Сталин, Рузвельт). И Мао счел, что в этих новых условиях не возрождающийся Китай (с его ресурсами и древнейшей цивилизацией) должен приспосабливаться к другим странам, а они — к нему: такой, думается, вывод (основной, хотя и не высказанный) таит эта яркая статья.

После стalingрадской победы СССР (не успокоившегося на достигнутом, но напрягшего силы, добивая все еще сильного врага) Мао не счел нужным менять свою стратегию сбережения сил. Не боялся при том утратить «кредит доверия», ибо не сомневался, что без него теперь — не обойтись, и что после возобновления Гражданской войны он без чьей-либо помощи (скорее всего, советской) не останется. Отчасти он был прав, но первопричины грядущих провалов «большого скачка», «культурной революции» следуют, на наш взгляд, искать в личностных чертах амбициозного китайского вождя.

По воле объективных исторических процессов два вождя, хорошо друг друга познавшие и понявшие, пришли, вопреки наметившейся взаимной настороженности, к курсу на всестороннее сотрудничество. Китаю это позволило одолеть Чан Кайши, покончить с ужасающей разрухой, начать индустриализацию. Для СССР союз с Китаем был важен ввиду возникшей после кончины Рузвельта угрозы атомного нападения (пока СССР таким оружием не располагал).

Самый факт тогдашних противоречий между Сталиным и Мао (вопреки которым СССР и Китай были во Второй мировой войне надежными, спасительными друг для друга союзниками) свидетельствует: взаимодействие России и Китая благоприятствует их национальным интересам и мировой стабильности. Наши страны «обречены» на стратегическое сотрудничество (но взаимное доверие их народов и их лидеров не обеспечить без целенаправленных усилий обеих сторон).

Именно стратегическое, по его сути, сотрудничество (успешно реализовавшееся в тогдашней атмосфере чрезвычайно запутанных взаимосвязей и противоречий) помогло спасти в грозные годы Второй мировой обе наши державы и обе цивилизации.

1. См: *Рузвельт Э.* URL: Его глазами. <http://militera.lib.ru/memo/usa/roosevelt/index.html>
2. *Ливий Т.* История Рима от основания Города. Кн. 9. URL: <http://samlib.ru/a/alt/tit.shtml>
3. См.: *Цурос П.* Победа восходящего солнца. М., 2004.
4. Партитура Второй мировой. Война на Востоке. М., 2010.
5. Сын одесского портного, дослужившийся до высших чинов в карательном аппарате НКВД, после начавшейся там чистки перебежал к японцам, снабдив их ценной информацией о численности и дислокации советских войск на Дальнем Востоке.
6. Генерал армии И.Р. Апанасенко (15 апреля 1990 г. – 5 августа 1943 г) блестяще проявил себя в 1-й мировой и в Гражданской войнах (к концу последней возглавлял одну из дивизий 1-й конной армии). с января 1941 г. возглавил войска Дальневосточного фронта. За несколько месяцев успел многое сделать в расширении транспортной инфраструктуры, строительстве укреплений Дальневосточья. В октябре, будучи вызван в Москву, пообещал Сталину перебросить на Запад до двадцати стрелковых дивизий и семь-восемь танковых соединений; переброска началась немедленно, под его личным контролем (эшелоны шли со скоростью курьерских поездов). Погиб при бомбардировке в битве на Курской дуге, будучи заместителем командующего Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутина (погибшего 9 месяцев спустя под Киевом).
7. Основанием для неуклюжего каламбура служит тот факт, что генералу Ямасите довелось служить военным атташе в Германии.
8. Тогдашнее наименование города Уссурийск.
9. См.: *Медведев Р.* Иосиф Сталин и Иосиф Апанасенко. Дальневосточный фронт в Великой Отечественной войне URL: http://www.rg.ru/anons/arc_2000/0516/1.htm.
10. См.: Партитура Второй мировой. Война на Востоке. М., 2010. С. 27.
11. Название одиннадцатого месяца (с 19–20 июля по 17–18 августа) французского республиканского календаря, действовавшего в 1793–1805 гг.; название контрреволюционного переворота 9-го термидора, в результате которого была свергнута якобинская диктатура; нарицательно — любой контрреволюционный переворот, осуществленный «сверху».
12. Так, Постановление ЦИК и СНК СССР, принятое в конце 1935 г., потребовало: «*Отменить установленные при приеме в высшие учебные заведения и техникумы ограничения, связанные с социальным происхождением, ... или с ограничением в правах их родителей.*» (См.: Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933—1937 гг. С. 217)
13. Структура Пролетарских культурно-массовых организаций (пролеткульта) с ее лозунгом «Искусство прошлого — на свалку!», функционировавшая при Наркомате просвещения, как и входившая в нее Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), была распущена, согласно Постановление ЦК ВКП(б) “О перестройке литературно-художественных организаций”, в 1932 г. После этого в сферах культуры утвердился девиз «Учиться у классиков».
14. Так, в 1934 г. Сталин воспрепятствовал публикации в журнале «Большевик» не печатавшейся ранее статьи Энгельса за 1890 г. «Внешняя политика русского царизма».). В итоге разыгравшегося скандала из редакции журнала был выведен Г.Зиновьев.
15. В ноябре 1933 г. Литвинов посетил в Вашингтон; в результате его переговоров с Ф. Рузвельтом США признали СССР., была достигнута договоренность об установлении дипломатических. В сентябре СССР вступил в Лигу Наций, сразу же стал постоянным членом ее Совета (вратившись тем самым в международное сообщество в качестве великой державы). Москва также проявила интерес к идеям коллективной безопасности, выдвинутым в мае 1934 г. министром иностранных дел Франции Барту.
16. <http://www.pseudology.org/trotsky/trotm389.htm>.
17. *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. 18. С. 100–101.
18. <http://www.pseudology.org/trotsky/trotm386.htm>.
19. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. URL: <http://www.dissertcat.com/content/podgotovka-vii-kongressa-kommunisticheskogo-internatsionala-perekhod-ot-edinogo-fronta-k-nar#ixzz2Hr7PUzx1>.

20. При передислокации из Центрального советского района в горах Южного Китая произошло массовое переселение руководимых КПК сил за тысячи километров на Северо-запад страны (где потом образовался их обширный Особый пограничный район).
21. *Mao Цзэдун*. Заявление по поводу заявления Чан Кайши. URL: <http://library.maoism.ru/statement-28-12-1936.htm>.
22. См.: *Маомао*. Мой отец Дэн Сяопин. М., 1995. С. 308–309.
23. См.: Партитура Второй мировой войны. Гроза на Востоке. С. 139.
24. Местечко в северо-западной части провинции Шэньси, с 7 ноября 1935 г. до 13 января 1937-го являвшееся столицей Особого района — там располагались (до перемещения в Яньянь) штаб-квартира Мао Цзэдуна и органы ЦК КПК.
25. <http://www.hrono.ru/sobyt/1927chin.html>.
26. *Панцов А.В.* Мао Цзэдун. М., С. 427.
27. Там же. С. 429.
28. Там же. С. 430.
29. Там же. С. 430–431.
30. <http://tank.uw.ru/books/opolev/soviet-chinese-history-46/>
31. См.: *Маомао*. Указ. соч. С. 309.
32. Кризис и война: Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х годах. М.: МОНФ, 1998.
33. http://militera.lib.ru/h/thurk_h3/18.html
34. См.: Партитура Второй мировой. С 192.
35. См: Википедия.
36. См.: Партитура Второй мировой. С. 87–88.
37. Гроза на Востоке. С. 87.
38. http://asiapacific.narod.ru/countries/china/n_e_ablova/4.2.2.htm.
39. http://www.e-reading-lib.org/bookreader.php/1011166/Koshkin_-_Yaponskiy_front_marshalla_Stalina.html
40. Имеется в виду «Антикоминтерновский пакт» Японии—Германии—Италии).
41. *Mao Цзэ-дун*. Избранные произведения. Т. 3. С.131–137. Пекин., 1969.
42. Одна из самых зловещих фигур в окружении Мао. Выходец из семьи помещика, в КПК вступил в 1925 г., будучи студентом. Позднее учился в Москве, работал в аппарате Коминтерна. В 1937 г. возглавил в Янъяни спецслужбы, обеспечивавшие «движение за исправление стиля» в партии («чжэнфэн»). Позднее стал одной из опор Мао в «культурной революции». Посмертно исключён из КПК, урна с его прахом была удалена с Бабаошаньского кладбища героев-революционеров.
43. Судьба этого небольшого городка была тесно связана с судьбой Единого национального фронта Китая: сразу же после его официального учреждения, с конца 1936 по март 1947 гг. Янъянь был административным центром Особого пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся и местом пребывания ЦК Коммунистической партии Китая.
44. Член секретариата Исполкома Коминтерна, член политбюро ЦК КПК, главная фигура в числе преследуемых Мао Цзэдуном «оппозиционеров».
45. *Van Мин*. Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна. М., 1975. С. 63.